

БОГ И ОЗЕРО

Когда Господь ослабевал от дел,
В непреходящей жалости сгорая, —
Он замедлял дыханье и глядел
На озеро за синими горами.
Он этот уголок оберегал
И, веки опустив, внимал влюбленно
Колоколам на дальних берегах
И озеру, исполненному звона,
И звон переливался и не гас.
И озеро, огромный синий глаз,
Глядело вверх спокойно и нестрого
Безвременьем, безвольем, забытьем
И отражало облака и Бога,
Забывшего на миг о бремени своем.

ЛЕРМОНТОВ

Кругом глаза: так отчужденье жгучей.
Пройду насквозь, не отразясь ни в ком,
Среди чужих наречий и созвучий
Глотая слова стынувшего ком.

Глаза-глаза, прозрачные экраны,
Любезных губ любезная молва,
И Лермонтов, ушедший слишком рано,
Чтобы найти для этого слова.

Абстракция, фрустрация, химера —
Людская близость, как ни назови.
Но наверху еще хранится вера
В великую иллюзию любви!

О, я изведал, забираясь выше:
Трудней дается воздух, но зато
Никто не позвонит и не напишет.
Люблю, когда полковнику никто.

Юлия Геннадьевна Пикалова окончила филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета и программу «Мастер делового администрирования» Государственного университета Калифорнии. Живет в Москве.

Здесь, наверху — несуетно и строго.
Любить людей легко вдали от глаз.
И я внезапно понимаю Бога,
Еще зачем-то любящего нас.

МИССИЯ

Тире, тире и точка-запятая.
Был позывной до одури знаком,
но астронавт, над миром пролетая,
уж не жалеет больше ни о ком:

парит себе, о миссии не парясь,
земля в иллюминаторе видна,
и где-то там, внизу, белеет парус,
такой же одинокий, как она,

и там, внизу, смешные человечки
без карты, без руля и без ветрил
плывут тихонько по морям да речкам,
по миру, что создатель подарил,

и там, внизу, они глядят на небо,
любуюсь и ловя благую весть,
пытая путь в извечной тишине по
далеким звездам, если звезды есть —

но все накрыло облачною бязью,
и в небесах не видно ни шиша,
и астронавт, совсем порвав со связью,
пьет звездный дождь из звездного ковша.

ПРЕДЕЛ

Положен ли душе моей предел?..
Я, запрокинув голову, глядела,
Как хоровод из облаков редел
В бесстрастном небе. Никакого дела
Нет небу ни до них, ни до меня.

В холодном свете северного дня
Душа моя, от облаков отдельно,
Летит и тает. Выживет тоска
Фантомной болью изнутри виска —
Она одна, как небо, беспредельна.

СОТВОРЕНИЕ МИРА

Земля была безвидна и пуста,
И Божий дух носился над водою.

Поэт над гладью чистого листа
Измается возможностью любовью.
Он изымает все из ничего
И заново над мирозданием бьется,
Но мнимое могущество его
Беспомощностью жалкой обернется:
Влекутся волны, вольны и горды,
И в их глубинах — волны, волны снова,
И это наваждение воды
Не поддается наважденью слова,
И немота полна и глубока...

Но дрогнула предчувствием мембрана —
И выплывает первая строка
Из гула мирового океана,
Немые размыкаются уста:
«Он думал над планетой молодой.
Земля была безвидна и пуста,
И Божий дух носился над водою».

ЛАНИАКЕЯ

Он создал это все — и заскучал.
Кому есть дело до его начал?
Живет во сне природа неживая.
Тогда он свет, подобный своему
по образу, подобию, уму,
решил умножить, в нас переливая.
Нас на краю вселенной поселя,
он дал нам хлеб
и допуск на поля —
и замыслом его теперь горим мы,
хвалу вселенной вознося и для.
Ланиакея, Млечный Путь, Земля —
наш адрес в небесах неизмеримых.